

Основное нравственное противорѣчіе войны.

Нѣтъ въ жизни болѣе тяжелаго во всѣхъ отношеніяхъ времени, какъ время войны. Ко всѣмъ обычнымъ бременамъ жизни, лежащимъ на душѣ человѣка, ко всѣмъ затрудненіямъ личнаго пути, семейной жизни, экономического неурстройства и общественно-политическаго разлада, война прибавляетъ новое и горшее бремя, которое своими размѣрами и своею остротою можетъ отодвинуть на второй планъ все остальное. Это бремя войны подавляетъ душу не столько количествомъ и объемомъ практическихъ задачъ и нуждъ, загромождающихъ собою весь жизненный горизонтъ, всю видимую перспективу творчества: здоровая душа, полная энергіи, только выростетъ и окрѣпнетъ, справляясь съ заданіями, даже съ виду непомерными: Гераклъ будетъ ей прообразомъ, и тяжкій молотъ труда выкуетъ изъ нея поистинѣ непобѣдимый булатъ. Война подавляетъ душу человѣка *качествомъ и содержаніемъ* тѣхъ заданій, которыя она обрушиваетъ на насъ, независимо отъ того, подготовились ли мы духовно къ ихъ разрѣшенію или нѣтъ. *Нравственно противорѣчивый характеръ* этихъ заданій составляетъ ихъ главную тяготу.

Съ того момента, какъ начинается война, мы всѣ живемъ подъ гнетомъ этого противорѣчія; ощущеніе его не покидаетъ насъ даже въ тѣ минуты, когда мы повидимому забываемъ о немъ. Каждое извѣстіе, доходящее до насъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ „наши“ и „враги“ истребляютъ другъ друга, обновляетъ въ насъ чувство этого противорѣчія, заста-

вляеть душу вновь и вновь произнести сразу одному и тому же явленію „да“ и „нѣтъ“. Мы непрерывно живемъ въ атмосферѣ, заставляющей насъ сочувствовать тому, что обычно вызываетъ въ насъ самое глубокое и рѣшительное неприятіе; однако это обычное и оправданное неприятіе не покидаетъ насъ и во время войны, но страннымъ образомъ уживается съ опредѣленнымъ чувствомъ удовлетворенія и смутнымъ, неопредѣленнымъ полуоправданіемъ неприемлемаго. Война какъ будто переворачиваетъ наши добрыя побужденія и наши нравственные принципы въ нѣкоторыхъ основныхъ отношеніяхъ. Сознаніе беспомощно стоитъ передъ непонятнымъ и этически невозможнымъ явленіемъ: повидимому совѣсть даетъ *сразу* на *одинъ* вопросъ два *противорѣчивыхъ*, два взаимно исключающихся отвѣта. И передъ нелѣпостью и противоразумностью этого явленія душа теряется и не видитъ исхода: или совѣсть не есть послѣдній и несомнѣнный источникъ нравственной очевидности? или есть положенія, передъ которыми она безсильна? или *inter alia* умолкають не только законы, но и единый божественный законъ добра? или же древняя увѣренность Канта въ томъ, что голосъ *совѣсти* есть въ то же время голосъ *разума*, покоилась на недоразумѣніи?

Сомнѣніе въ совѣсти, какъ въ послѣднемъ и высшемъ источникѣ нравственной очевидности—вотъ первое глубокое послѣдствіе, къ которому философское сознаніе можетъ быть повидимому приведено войною. Въ самомъ дѣлѣ, въ моментъ, когда бѣда, требующая рѣшительныхъ дѣйствій, уже разилась, когда нѣтъ времени для сосредоточеннаго предметнаго изслѣдованія и рѣшенія, когда нравственно спокойнымъ можетъ быть лишь тотъ, для кого все на свѣтѣ просто и ясно,—въ этотъ моментъ голосъ совѣсти повидимому не въ силахъ „вывести насъ на дорогу“. Практически говоря, противорѣчивый отвѣтъ гораздо тяжеле, чѣмъ полное отсутствіе отвѣта: онъ даже не оставляетъ душу въ прежнемъ состояніи неувѣреннаго вопрошанія, но обостряетъ ея неувѣренность, не позволяя сказать *ни од-*

ному исходу ни цѣльнаго „да“, ни цѣльнаго „нѣтъ“. Какой бы исходъ ни выбралъ человѣкъ,—смутное, но незаглушимое чувство нравственнаго неодобренія обѣщаетъ сопровождать его на его пути, и отъ этого раскалывающаго и обезсиливающаго душу чувства люди спасаются, какъ кто можетъ, стремясь въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже не къ нравственной правотѣ и сознательности своего рѣшенія, а къ его наименьшей жизненной и житейской обременительности; чувство привязанности, правосознаніе, темпераментъ, давленіе общественнаго мнѣнія и, главное, личный укладъ безсознательной душевной сферы—довершаютъ остальное. Нравственно это выражается въ томъ, что душа незамѣтно, цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ свѣта и тѣни, создаетъ для себя возможность сосредоточить вниманіе на отрицательныхъ сторонахъ отвергаемаго пути и на положительныхъ чертахъ принимаемаго исхода; человѣкъ уговариваетъ и заговариваетъ себя, онъ *вытѣсняетъ* изъ сферы сознанія тяготящее и мучительное неодобреніе своего жизненнаго пути и приноравливается жить такъ, какъ если бы этого вытѣсненнаго вовсе не было. Съ виду онъ получаетъ отъ этого нѣкоторое прагматическое преимущество; но на самомъ дѣлѣ это преимущество имѣетъ сомнительную цѣнность: подавленный призывъ совѣсти можетъ внезапно и быстро вспыхнуть въ видѣ стихійнаго нравственнаго отвращенія къ себѣ и къ своимъ поступкамъ и въ конецъ обезсилить душу; или же, въ худшемъ случаѣ, душа, разъ заглушившая и искажившая въ себѣ, да еще по такому огромному и острому нравственному вопросу, голосъ совѣсти,—заглушившая потому, что она не сумѣла интуитивно доискаться отвѣта, или мужественно выслушать его, или неискаженно выразить его въ разумныхъ терминахъ,—душа теряетъ *довѣріе къ совѣсти*, желаніе испытывать ея голосъ, или даже способность найти къ ней какой-нибудь доступъ. Конечно не *этимъ* только, но отчасти и *этимъ*, объясняется то своеобразное нравственное утомленіе и оупѣніе, которое обнаруживается иногда въ

людяхъ послѣ войны и послѣдствія котораго проникають потомъ во весь строй жизни, воспитанія, общественности и религіи воевавшего народа.

Позволительно ли убивать человѣка? Можетъ ли человекъ разрѣшить себѣ по совѣсти убіеніе другого человѣка? Вотъ вопросъ, изъ котораго, повидимому, вырастаетъ основное нравственное противорѣчіе войны. Правда, этотъ вопросъ ставится передъ нравственнымъ сознаниемъ не только войною, но и каждою смертною казнью, каждымъ уголовнымъ и политическимъ убійствомъ. Однако къ обязательному участию въ организованномъ массовомъ убіеніи люди привлекаются только въ эпоху войны, будь то гражданская война, въ ея единичныхъ или повсемѣстныхъ вспышкахъ или война международная. Можно, конечно, попытаться смягчить эту заостренную постановку вопроса и свести чуть ли не всю войну къ непреднамеренной стрѣльбѣ по „невидимому за разстояніемъ непріятелю“¹⁾. Однако современная стратегія совершенно опредѣленно признаетъ, что побѣда состоитъ въ *пораженіи живой силы противника*, и что изъ четырехъ способовъ достигнуть этого, — убіенія, раненія, плѣненія и разсѣянія, — наиболѣе дѣйствительнымъ и цѣлесообразнымъ является первый. Разсѣянный непріятель можетъ придти въ себя и собраться вновь; раненый можетъ выздороветь и вернуться въ строй; плѣннаго нужно стеречь, перевозить и содержать; убитый — изъять изъ живой силы противника окончательно и требуетъ минимальныхъ расходовъ на погребеніе. Изъ легкой раны и тяжелой раны, нанесенной непріятельскому воину — дѣйствительнѣе тяжелая рана; изъ тяжелой раны и смерти — цѣлесообразнѣе смерть. Правда, правосознаніе новаго времени признало принципъ: „не дѣлать врагу больше зла, чѣмъ сколько того требуютъ цѣли войны“, но принципъ этотъ цѣненъ гораздо болѣе тою нравственной тенденціей, которая за нимъ скрыта, чѣмъ

1) Срв. Вл. Соловьевъ. Оправданіе добра. М. 1899, стр. 497.

своимъ формальнымъ смысломъ. Эта тенденція предлагаетъ удовольствоваться простымъ выведеніемъ изъ строя, не настаивать на окончательномъ и выгодномъ способѣ, на *истребленіи* живой силы противника; но прямая и непосредственная цѣль войны предпочитаетъ истребленіе. Во всякомъ случаѣ каждый идущій на войну не сомнѣвается въ томъ, что ему предстоитъ; стрѣльба по невидимому противнику имѣетъ ту же задачу, какъ и стрѣльба по отчетливо рисующимся фигурамъ, и предполагаетъ у стрѣляющаго одинаковое намѣреніе: огнестрѣльное оружіе заряжается, а холодное оружіе оттачивается для живой силы непріятели и если изъ нѣсколькихъ тысячъ пуль въ дѣйствительности попадаетъ одна, то это происходитъ конечно не потому, что промахъ есть цѣль и назначеніе выстрѣла. Точно также у идущаго на войну наивною была бы надежда на то, что именно ему то и посчастливится не убить никого въ сраженіи; плохъ тотъ воинъ, который на это надѣется, ибо за надеждою *всегда* скрывается желаніе, чтобы осуществился предметъ надежды, и это желаніе можетъ въ критическій моментъ удержать поднятую руку, толкнуть стрѣляющаго подъ локоть, задержать слова команды на устахъ командующаго и нанести непоправимый вредъ общему дѣлу. Неприсятель идетъ на насъ не съ тѣмъ, чтобы сдаваться или бѣжать при приближеніи нашихъ солдатъ, но съ тѣмъ, чтобы взять ихъ при отсутствіи сопротивленія и убить ихъ, если они будутъ сопротивляться. Сраженіе непрерывно ставитъ сражающагося въ такое положеніе, при которомъ неискусно и неумѣло наносящій раны и причиняющій смерть, или нежелающій ранить и убивать, предаетъ свое дѣло, оставляетъ свой народъ беззащитнымъ и содѣйствуетъ насильникамъ, идущимъ его поработить и эксплуатировать.

Нѣтъ ничего болѣе труднаго, какъ „доказывать“ вѣрность нѣкоторыхъ, повидимому, основныхъ аксіомъ, истинность которыхъ кажется столь очевидной и несомнѣнной, что *отъ нихъ* можно отправляться, *на нихъ* можно основываться,

но врядь ли возможно привести соображенія *ихъ* подтверждающія и обосновывающія. Къ числу такихъ нравственныхъ аксіомъ принадлежитъ недопустимость убіенія чело-вѣкомъ чело-вѣка.

Въ убійствѣ чело-вѣка есть нѣчто послѣднее и страшное; мы всѣ это остро чувствуемъ, но лишь съ трудомъ можемъ сказать, что именно ужасаетъ въ немъ нашу мысль и вызы-ваетъ въ насъ чувство такого давящаго гнета. Повиди-мому три основныхъ мотива имѣютъ здѣсь рѣшающее значеніе.

Во-первыхъ, глубина и таинственность самого процесса жизни и смерти. Жизнь—это легкое, естественное состоя-ніе наше, столь привычное и столь незамѣтное, пока ничто близкое и острое ему не угрожаетъ, столь простое, что никто изъ насъ не сумѣлъ бы даже рассказать, въ чемъ оно состоитъ, и что это мы дѣлаемъ, чтобы „жить“, какъ „это“ намъ удастся,—жизнь въ самой сущности своей, въ самомъ качествѣ своемъ не разложима ни на какіе состав-ные элементы, но и въ началѣ, и въ концѣ, и во всемъ теченіи своемъ остается передъ нами *реальной тайной*, ко-торую легко испытывать, но трудно изслѣдовать, которую можно безъ конца описывать, которую мы можемъ разру-шить, но которую мы не можемъ воссоздать. Новая жизнь можетъ загорѣться отъ насъ; и тѣмъ не менѣе тайною жизни мы не вла-дѣемъ. Мы можемъ остановить эмпирическую жизнь чело-вѣка; и тѣмъ не менѣе мы не вла-дѣемъ и тайною смерти. Сокровенную природу жизни и смерти мы испытываемъ, какъ реальный *предмѣлъ нашего изволенія*, нашего нестѣснен-наго цѣлеполаганія, нашего усмотрѣнія и распоряженія. Самое проникновенное аналитическое описаніе процесса жизни и смерти остается познавательной рефлексіей и не даетъ намъ господства надъ *реальной жизнью и реальной смертью*. То, что живетъ—живетъ „само“, и, когда оно склоняется къ своему концу, мы слишкомъ скоро убѣжда-емся въ своей беспомощности. Жизнь есть нѣчто совер-шающееся „*дѣ'ауто*“, „*a se ipso*“, и передъ этою тайною

внутренней самочинности человѣкъ искони испытывалъ чувство религіознаго благоговѣнія. Это чувство религіознаго благоговѣнія и побуждаетъ человѣка обращаться внутренно къ Божеству во всѣ тѣ моменты, когда онъ прикасается реально къ этимъ тайнамъ, когда онъ испытываетъ ихъ ходъ и свершеніе. Это чувство можетъ быть выражено такъ: „здѣсь я не властенъ; здѣсь воля моя безсильна; здѣсь воля Высшаго“. Безхитростное сознаніе проще всего выражаетъ это знакомое всѣмъ намъ ощущеніе словами: „такова воля Божія“. При такомъ ощущеніи убійство естественно испытывается, какъ насильственное и произвольное вторженіе въ сферу Божественной компетенціи и премудрости. Въ вопросѣ жизни и смерти человѣка—человѣкъ не властенъ; вотъ эта древняя и коренная увѣренность, живущая въ душахъ людей. Это человѣку не подчинено и нѣтъ у него полномочія рѣшать, когда кому слѣдуетъ окончить жизнь. Устами стойковъ человѣческое міроощущеніе признало, что жизнь есть прекарный даръ Божества, т. е., что давшій жизнь можетъ въ любой моментъ отозвать изъ жизни; въ старину сознаніе этой прекарности распространялось до извѣстной степени и на родителей и это находило между прочимъ выраженіе въ томъ, что въ древнемъ правѣ чадубійство считалось не квалифицированнымъ, а привилегированнымъ преступленіемъ. Лишить жизни властенъ тотъ, кто властенъ дать ее и не дать, чье цѣлесознательное изволеніе владѣть тайною жизни и смерти. И когда человѣкъ убиваетъ человѣка, то въ сознаніи людей встаетъ естественный вопросъ: „кто ты, что дерзаешь?“ Ты берешь, чего не далъ; ты разрушаешь, чего не создалъ и чего создать не можешь; кто же ты, что дерзаешь? Убійство есть всегда, по самой сущности своей, актъ возстанія и самовознесенія надъ убиваемымъ; ибо рѣшающій о срокахъ жизни другого присвоиваетъ себѣ по отношенію къ нему послѣднюю и величайшую власть, какая только можетъ существовать на свѣтѣ: *ius vitae ac necis*. Убивающій ставитъ себя въ

положеніе господина и владыки; мало того онъ узурпируетъ Божіе дѣло и посягаетъ на Божеское званіе. Для того, чтобы прекращеніе жизни было дѣйствительно обосновано и мотивировано, какъ благо, необходимо поистинѣ сверхчеловѣческое вѣдѣніе о путяхъ убиваемаго, о судьбѣ его въ мірѣ и слѣдовательно о судьбахъ и путяхъ міра въ цѣломъ. Мироощущеніе человѣка приписываетъ такое вѣдѣніе только Богу; знаніе же людей бессильно рѣшать и рѣшить эти вопросы. Но въ такомъ случаѣ убіеніе человѣка не можетъ быть ни обосновано, ни мотивировано. Оно остается актомъ не оправдываемаго произвола. Мало того, убійство въ самой сущности своей, независимо отъ случайныхъ переживаній убивающаго, есть актъ величайшей гордыни: въ немъ кроется не только вознесеніе себя надъ убиваемымъ человѣкомъ, но и *равнопоставленіе* себя Божеству. Человѣкъ присвоиваетъ себѣ по отношенію къ убиваемому силу и власть Провидѣнія, того совершеннаго дѣятеля, изволеніе котораго свободно отъ предѣловъ и нормъ. Убивающій слагаетъ съ себя послѣдній предѣлъ, переступаетъ самое страшное и вступаетъ въ сферу *вседозволенности*. Достоевскій съ разительной силою указаль на эту предметную связь между правомъ на убійство и моральною вседозволенностью. Однако все дозволено не тому, кто захочетъ „взять“ власть, кто „осмѣлится“ и посягнетъ. Все дозволено тому, кто обладает *совершенною* волею и *совершеннымъ* знаніемъ и кто, въ силу этого, не можетъ сотворить зла и совершить убійства; и потому, когда Богъ отзываетъ человѣка изъ жизни, то онъ не убиваетъ, а полагаетъ ей конецъ. Убивающій же посягаетъ на присвоеніе себѣ Божія совершенства и не понимаетъ, что въ самомъ посяганіи скрытъ высшій приговоръ ему; ибо совершенная воля уже не спрашиваетъ, не порывается и не посягаетъ, а непосредственно осуществляетъ законъ своей совершенной природы. Вотъ почему мы испытываемъ по отношенію къ убившему то, эмпирически нерѣдко ничѣмъ не оправдывающееся, смутное чувство ужаса и напряженной любозна-

тельности, которое вызываетъ въ насъ образъ ангела бездны Аваддона.

Второй мотивъ, заставляющій насъ тяготиться всякимъ убійствомъ, есть исключительная и абсолютная *нелюбовность* этого акта. Какова бы ни была степень одухотворенности любви, на что бы ни была направлена ея сила, любовь спаиваетъ живымъ творческимъ образомъ любящую душу съ любимымъ предметомъ. Творчество любви состоитъ именно въ этомъ своеобразномъ, не поддающемся отвлеченному пониманію, *снятіи предѣловъ* между обѣими сторонами. Видимое эмпирическое разъединеніе и уединенная замкнутость душъ остаются по внѣшней формѣ и не исчезаютъ. Но любовное отношеніе есть способъ жизни, реально преодолевающей эту атомистическую изолированность. Начиная отъ элементарнаго и поверхностнаго учета чужого существованія въ формахъ приличія и вѣжливости, восходя черезъ любезность и деликатность къ любовному общенію и дѣйствительной любви, человѣчество выработало цѣлую сложную сѣть пріемовъ и способовъ взаимнаго нравственнаго пріятія и взаимнаго нравственнаго проникновенія. *Знаніе* души о душѣ остается всегда ограниченнымъ и скуднымъ; но *живое чувствованіе*, слагающееся на путяхъ *предметно* воспитанной и развитой *интуиции*, можетъ давать неожиданные, ошеломляющіе по силѣ адекватнаго проникновенія результаты. Любящая душа живетъ и общается посредствомъ *художественнаго вчувствованія* въ реальную жизнь людей. Это вчувствованіе совершается черезъ *максимальное пріятіе* чужой жизни интересомъ, воображеніемъ, волей и мыслью любящаго; душа, пріемлющая чужой интересъ и чужое содержаніе, сосредоточиваетъ свое вниманіе и свою активность на осуществленіи, удовлетвореніи, раскрытіи и совершенствованіи принятаго; она перестаетъ испытывать чужое, какъ чужое, но испытываетъ его, какъ *свое*. *Любовь есть процессъ реального духовнаго отождествленія любящаго съ любимымъ*; въ результатъ его возникаетъ *тождество*, но, конечно, не то совпадающее единство

одинаковыхъ смысловыхъ содержаній, о которомъ трактуютъ учебники логики, но та неразрывная сращенность, то реальное цѣлое, которое слагается изъ различнаго и ведетъ къ живому творческому богатству. Когда любовное отношеніе взаимно и *пріятіе* сопровождается *отдачей*, тогда это тождество субъектовъ раскрываетъ нѣкоторую метафизическую глубину въ общеніи людей, реальность которой признавалась и сущность которой описывалась неоднократно въ исторіи философіи. Такая жизнь даетъ возможность убѣдиться въ томъ, что, въ сущности говоря, каждый изъ насъ чувствуетъ постоянно, хотя крайне рѣдко даетъ себѣ въ этомъ отчетъ: *въ реальной живой соединенности всѣхъ людей*. Эта соединенность состоитъ не только въ томъ, что душа каждаго изъ насъ носитъ и сосредоточиваетъ въ себѣ безчисленное множество нитей, связующихъ ее живымъ образомъ съ другими людьми, или что душа наша непрерывно, даже въ одиночествѣ, содрогается отъ уколовъ общенія и сама наноситъ ихъ, нерѣдко даже не подозревая объ этомъ; но самая пронизанность души этими нитями раскрывается для того, кто ихъ любовно культивируетъ и завязываетъ, какъ *непрерывная, сплошная связь всѣхъ со всеми*; эту непрерывную соціально-духовную ткань жизни любящая душа культивируетъ, раститъ и совершенствуетъ, тогда какъ нелюбящая душа рветъ ее, комкаетъ и деградируетъ, страдая сама и причиняя страданія другимъ.

Любовь раскрываетъ людямъ не то, что всѣ люди *должны* связаться психически и духовно въ живую непрерывную сплошность; но, что они *уже* связаны такъ, рады они этому или не рады, хотятъ этого или не хотятъ; раскрывъ это, она указываетъ имъ и высшую цѣль ихъ жизни,—въ *одухотвореніи и установленіи творческой собственности душъ*. Душа, живущая обычно въ ощущеніи этого реального живого всеединства душъ, привыкаетъ къ нему настолько, что каждое проявленіе розни и вражды, каждый недостатокъ сочувствія и единочувствія, со-мысля и едино-мысля, каждое отсутствіе едино-страданія и едино-радованія, вызываетъ

въ ней скорбь и горе. Въ то же время она твердо знаетъ, что каждый добрый порывъ, каждое нравственное усиліе, каждое благое дѣяніе есть дѣйствительное, истинное завоеваніе *всего человечества*; ибо даже тѣ, кто не узнаютъ ничего о самомъ порывѣ, усиліи и дѣяніи, не узнаютъ *въ чемъ* онъ былъ, и не узнаютъ даже вообще, *что* онъ былъ,—получать незамѣтно и понесутъ въ себѣ и передадутъ другимъ его плоды и отраженія; а если этотъ порывъ и это дѣяніе найдутъ себѣ любовную встрѣчу и любовное отраженіе, то сила ихъ удесятерится, передаваясь отъ души къ душѣ. Но такая душа знаетъ также, что каждый разрывъ въ соціально-духовной ткани, каждый актъ отторженія, обиды и насилія умножается въ душахъ людей по тому же самому закону и такъ же точно передается отъ души къ душѣ, особенно если сила любви не успѣваетъ во время погасить его разрушительный огонь и исцѣлить состоявшіеся разрывы. Въ этомъ вѣдѣніи и въ этомъ дѣланіи живетъ такая душа потому, что она постоянно и подлинно испытываетъ, что *родъ человеческій душевно и духовно единъ*; душевно единъ—ибо живетъ въ сплошномъ реальномъ взаимодействіи; духовно единъ—ибо творчески восходитъ къ единой истинѣ, единому добру и единой красотѣ. Философія не разъ пыталась дать разумное выраженіе этому міроощущенію, смутно и нерѣдко искаженно изображавшемуся и въ различныхъ религіозныхъ теченіяхъ, и намъ достаточно здѣсь указать на это для того, чтобы снять съ себя возможный упрекъ въ произвольномъ изобрѣтеніи.

Вотъ этотъ-то нравственно-духовный строй и порядокъ нарушается и разрушается сильнѣе всего человѣкоубійствомъ. Убійство есть не только отказъ отъ любовнаго признанія этой связи между человѣкомъ и человѣкомъ, но рѣшительное упраздненіе самой возможности возстановленія и поддержанія этой связи въ будущемъ. Убивающій ставитъ себя къ убиваемому въ отношеніе полного нравственнаго отрыва, такого отрыва, который вообще ни при какихъ условіяхъ не можетъ состояться между людьми; потому что даже

ненависть, доведенная до такой степени, что у человека чернеет в глазах при видѣ врага, и бѣлый свѣтъ кажется ему отвратительнымъ отъ того только, что тотъ существуетъ,—даже такая ненависть есть лишь выраженіе огромной трагической связи, спаявшей ненавидящаго съ его врагомъ: правда, эта связь выродилась и деградировала, но интенсивность ея только упрочилась и часто за нею скрывается возможность страстной привязанности. Убивающій слѣпъ къ этой связи, скрѣпляющей его съ его жертвой: онъ чувствуетъ себя оторвавшимся и чувство этого отрыва необходимо ему для того, чтобы преодолѣть всѣ внутреннія сдержки и моральные запреты. Наличие любовнаго, художественно вчувствующагося отношенія дѣлаетъ убійство невозможнымъ ¹⁾. Убійство предполагаетъ разрывъ и ожесточеніе. Оно предполагаетъ сознаніе или ощущеніе окончательной невозможности склонить, убѣлить или исправить; и, съ другой стороны, совершенную исключенность самопочинной и добровольной уступки. Оно предполагаетъ слѣдовательно такое, наличие чего не можетъ быть ничѣмъ доказана; ибо гдѣ же и въ чемъ предѣлъ убѣжденій и доброй воли? Убивающій не можетъ помнить объ этомъ; ибо, если будетъ помнить, то не убьетъ. Онъ долженъ быть твердо увѣренъ, или увѣрить себя, что ему осталось одно только средство: сила и страхъ силы. И даже не сила, потому что убить можетъ и слабый, если онъ хитеръ или ловокъ; не сила, а явное или тайное насиліе. Въ той душевной атмосферѣ, зрѣлымъ плодомъ которой является убійство, любовь разлагается и вытѣсняется чуть ли не во всѣхъ своихъ составныхъ элементахъ: чувство живого тождества уступаетъ свое мѣсто ощущенію законченной противоположности; вмѣсто единочувствія воцаряется безжалостность и ощущеніе несовмѣстимости; вмѣсто уступчивой щедрости выступаетъ непреклонный *animus sibi habendi*; насиліе возносится надъ убѣжденіемъ;

¹⁾ Кажущимся исключеніемъ являются тѣ случаи, когда убійства являются скрытою формою самоубійства.

страхъ и подозрѣніе вытѣсняють довѣріе; гаснетъ уваженіе и доброжелательство; человѣкъ видитъ въ человѣкѣ зловредность, подлежащую искорененію, и позволяетъ себѣ *все*.

Такова смутная и далеко не всегда цѣликомъ представленная и развитая психика того, кто нападаетъ для убіенія. Именно основныя указанныя черты ея готовятъ убивающему глубокой и мучительный кризисъ. Этотъ кризисъ вызывается, во-первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что никакія, ни субъективныя, ни объективныя условія, не могутъ сдѣлать убійства нравственно обоснованнымъ, или хотя бы только доказать, что оно было единственнымъ и поэтому *неизбѣжнымъ* средствомъ. Правда, положеніе того, кто убилъ въ состояніи необходимой обороны, является повидимому менѣе тяжкимъ въ нравственномъ отношеніи. Однако и передъ нимъ можетъ встать вопросъ: такъ ли ужъ цѣнна была та цѣль, ради которой онъ обратился къ этому „неизбѣжному“ средству и такъ ли ужъ „неизбѣжно“ было само средство? Во всѣхъ случаяхъ убійство можетъ и должно испытываться какъ своего рода нравственное *testimonium paupertatis*, которое выдалъ себѣ убившій. Ибо никакой и даже самый утонченный казуизмъ не будетъ въ состояніи доказать, что „не было другого исхода“. Много оправданій и отговорокъ можно придумать здѣсь, чтобы успокоить встревоженную душу и заставить умолкнуть взывающую совѣсть. Но, если прислушаться къ ея какъ всегда максимальному зову и формулировать его точно, то встанетъ вопросъ: все ли ты сдѣлалъ въ жизни своей для того, чтобы убійство не стало для тебя „единственнымъ“ и „неизбѣжнымъ“ средствомъ? Всѣ ли силы ты положилъ на то, чтобы не было на свѣтѣ людей способныхъ къ такому глубокому выпаденію изъ живого всечеловѣческаго братства? Не вернулась ли къ тебѣ въ этомъ нападеніи на тебя та незамѣтно разсѣянная тобою по чужимъ душамъ масса обидъ, притѣсненій и униженій, которая нынѣ собралась во-едино? Такіе вопросы поставить

совѣсть убившему въ состояніи необходимой обороны. Что же испытаетъ тотъ, кто убилъ, нападая?

Но кризисъ, переживаемый убившимъ, оказывается еще болѣе глубокимъ отъ того, что самый актъ убійства устанавливаетъ между нимъ и павшимъ отъ его руки особую, мучительную по своей интенсивности и по отсутствію творческой перспективы духовно-нравственную связь. И въ этомъ выражается съ полною очевидностью невозможность для человѣка разрушить духовную ткань человѣческаго всеединства. Ощущеніе этой связи, сковывающей убившаго съ убитымъ, можетъ достигнуть сознанія очень быстро, какъ только спадетъ отреагированная волна посягнувшаго ожесточенія. Моментъ убійства, оказывается тогда, сталъ роковымъ не только для убитаго, но и для убившаго; этотъ моментъ, въ который онъ чувствовалъ себя рѣзко порвавшимъ нить общечеловѣческой связи и нравственнаго соединства, возставшимъ и захватившимъ Божескія права надъ убитымъ, позволившимъ себѣ *все* и въ *такую* сторону осуществившимъ эту *вседозволенность*, тотъ моментъ, когда онъ совершилъ свое непоправимое дѣло и въ ожесточеніи душевномъ взялъ на себя роль *судьбы* въ жизни убитаго,— этотъ моментъ самою остротою и безмѣрностью своею приковываетъ его душу къ себѣ и къ непроявляющейся больше, умолкшей душѣ погибшаго. Человѣку свойственно вообще по многу разъ переживать заново свои поступки; эта работа воображенія можетъ имѣть, какъ показали психо-анализъ, огромное катартическое значеніе, но при неумѣлости и беспомощности она можетъ настолько же сковать свободу жизни, сдѣлать душу рабомъ ея прошлаго и въ острыхъ случаяхъ увести ее въ прямой недугъ. Убійство является для убившаго истиннымъ душевнымъ раненіемъ, приковывающимъ его интимною, единственною въ своемъ родѣ связью къ убитому; воображеніе его, какъ бы преслѣдуемое фуріями, непрестанно влечется вспять, отдаваясь сразу двумъ противоположнымъ жаждамъ: пережить убійство, какъ несостоявшееся, а себя, какъ не

убившаго, и въ то же время повторить моментъ убійства съ его опьяненіемъ состоявшагося посягательства, разрядившагося ожесточенія и осуществленной вседозволенности. Душу обуреваютъ мучительная смѣсь изъ жалости и ожесточенія, и ни одно изъ этихъ противоположныхъ чувствъ не можетъ найти себѣ творческаго исхода, потому что человѣка, на которомъ теперь сосредоточились эти настроенія и на котораго обрушилось нѣкогда ожесточеніе, нѣтъ среди живыхъ. Убійство есть истинный актъ жизненнаго и душевнаго саморазрушенія, выполненный надъ собою: „Я себя убилъ, а не старушонку! Тутъ такъ-таки разомъ и ухлопалъ себя навѣки! А старушонку эту чортъ убилъ, а не я“, восклицаетъ Раскольниковъ. Судьбы убившаго и убитаго скрещиваются и расходятся, сломленные. Моментъ убійства раскалываетъ жизнь убившаго, освѣщаетъ ее всю поновому и возлагаетъ на нее *неразрѣшимую* проблему.

Именно съ этимъ въ тѣснѣйшей связи стоитъ третій мотивъ, пугающій и угнетающій наше сознание при каждомъ убійствѣ: это полная и безусловная *непоправимость* того, что имѣетъ произойти и потомъ происходить. Правда, абсолютно говоря, непоправимо все, что происходитъ во времени: прошлое безразлично поглощаетъ все, что совершается и не въ нашихъ силахъ вообще сдѣлать что нибудь состоявшееся—небывшимъ. Съ этой точки зрѣнія непоправима каждая обида, каждая неправда, каждый уколъ. Но въ другомъ отношеніи, въ другомъ порядкѣ, въ *порядкѣ любви*—все это поправимо, ибо можетъ быть заглажено, исцѣлено и погашено. Обида еще не бѣда и не трагедія, пока живъ обиженный; до тѣхъ поръ остается еще творческій исходъ; жизненная перспектива еще открыта, злая воля еще не затянула на себѣ мертвую петлю. Еще не оборвалось таинственное, неповторяемое творчество индивидуальнаго міра; еще не утрачена возможность исправить тѣ раненія и убрать тѣ жизненные препоны, которыя обидчикъ внесъ и воздвигъ на пути восхожденія этого міра къ добру и духу. Убійство, наоборотъ по самой сущности

своей носить характеръ безвозвратности; духовный отрывъ и духовное возстаніе получаютъ въ немъ окончательное, непоправимое выраженіе въ видѣ тѣлесновещественнаго разрушенія. Убивающій готовитъ себѣ моменты самаго тяжкаго, самаго подавляющаго безсилія: *духовнаго* безсилія передъ *вещественной* невозстановимостью, имъ самимъ вызванною къ бытію. Вообще говоря, страшно не умереть, а умирать; страшна не смерть, а непоправимость; страшно это сознаніе, что „больше никогда“. И вотъ передъ этимъ „никогда“ убивающій ставитъ и себя и убиваемаго и притомъ въ самый тягостный моментъ для обоихъ—въ моментъ ощущенія себя вырваннымъ изъ живого реального всечеловѣческаго единства. Переносить отвращеніе и ненависть вообще мучительно; видѣть, что другой унижаетъ себя до ненависти по отношенію ко мнѣ и чувствовать, что онъ переживаетъ меня, какъ униженное въ его воображеніи и отвратительное ничтожество, является великой тяготою. Но почувствовать себя лицомъ къ лицу съ человѣкомъ или съ людьми, которые ожесточились до такой степени, что видятъ въ убіеніи меня и друзей моихъ главную цѣль своей сознательной напряженной дѣятельности и чуть ли не высшій подвигъ своей жизни; увидѣть это воочию, почувствовать на себѣ хотя бы на мигъ всю сосредоточенную силу этого окаяннаго ожесточенія и въ этотъ мигъ умереть, въ сознаніи своей отторженности и извергнутости, есть поистинѣ величайшая духовная мука изъ возможныхъ на землѣ. Здѣсь подавляетъ духовно та сила озлобленія, которая можетъ скапливаться и загораться въ людскихъ сердцахъ и которая можетъ быть ни въ чемъ такъ ярко не выражается, какъ въ приговорахъ къ смертной казни: одиночное заключеніе закрѣпляетъ чувство отторженности, а процессуальные и формальные сроки превращаютъ смерть въ медленное умираніе.

Эта непоправимость, объективно говоря, выражается въ томъ, что убитый уноситъ съ собою сложный и неповторяемо своеобразный міръ, прогрессивное восхожденіе и

одухотвореніе котораго насильственно обрывается актомъ убійства. Прекращеніе этого жизненнаго потока вноситъ сразу цѣлое опустошеніе въ обставшій его соціальный кругъ. Каждый, знавшій умершаго, чувствуетъ, какъ въ его собственной душѣ ликвидируется цѣлый секторъ живыхъ взаимодействій, чувствъ и отношеній; какъ угасаетъ живая часть его личности; какъ образуется пустота и зіяніе въ его міроощущеніи. Это и имѣлъ въ виду Шлейермахеръ, когда говорилъ, что уходъ друзей изъ жизни есть не ихъ смерть, а умираніе оставшагося друга. И вотъ на этихъ путяхъ прежде всего, хотя не только на нихъ, убійство ранитъ и вовлекаетъ въ свое дѣло широкую общественную периферію. Каждый, коснувшійся убійства черезъ знакомство съ одною изъ сторонъ или по рассказамъ, оказывается участникомъ его *post factum*, переживая, часто незамѣтно для самого себя, воображеніемъ, чувствомъ или даже хотѣніемъ совершившееся дѣло, входя черезъ художественное отождествленіе то въ положеніе убивающаго, то въ положеніе убитаго, силясь „понять“, т.-е. реально пережить, какъ свое, то, что тамъ произошло. Есть и въ обычное время особыя любители, которые посѣщаютъ засѣданія суда, посвященныя разсмотрѣнію дѣлъ объ убійствѣ, которые любятъ раздирающія драмы и кинематографическіе ужасы. Эпоха войны заставляетъ, можетъ быть, *всѣхъ насъ* пережить въ воображеніи перестрѣлку, кавалерійскую атаку и штыковой бой; она дѣлаетъ *всѣхъ насъ*, и сражающихся и несражающихся, соучастниками и совиновниками въ организованномъ и планомѣрномъ убиваніи. И нѣтъ нравственныхъ основаній къ тому, чтобы мы закрывали себѣ на это глаза.

Никто не вздумаетъ утверждать, что каждое убійство, происходящее на полѣ сраженія, сопровождается въ душѣ убивающаго переживаніемъ *всѣхъ* указанныхъ мотивовъ и ихъ отгѣнковъ. Самая форма войны и ея объявленія смягчаетъ одно, облегчаетъ другое, освобождаетъ, повидимому, душу отъ третьяго. Прежде всего самое рѣшеніе убивать

не падаетъ *всѣмъ* своимъ бременемъ на душу убивающаго. Участіе въ войнѣ есть для каждаго участника актъ повиновенія внѣшнему приказу, который исходитъ отъ органовъ государства, дѣйствующихъ на основаніи правовыхъ полномочій; для огромнаго большинства правовымъ велѣніемъ опредѣляется и самая обязанность участвовать, и форма участія, и моментъ дѣйствія оружіемъ. Всѣ тѣ, кто признаютъ и испытываютъ моральное значеніе государственнаго сожительства и повиновенія праву, получаютъ въ этомъ нѣкоторый противовѣсъ по отношенію къ категорическому „запрету“, идущему отъ совѣсти. Однако этотъ противовѣсъ, облегчающій съ виду моментъ выбора и рѣшенія, на самомъ дѣлѣ только затрудняетъ и осложняетъ его. Глубокое нравственное „отрицаніе“, принятое волею и раскрытое разумомъ, сталкивается съ признаніемъ того моральнаго значенія, въ которомъ нельзя отказать развитому правосознанію и добровольному право-повиновенію, и здѣсь обнаруживается то первое и въ сущности самое поверхностное нравственное противорѣчіе, которое встаетъ въ душѣ человѣка во время *каждой* войны, и которое каждый изъ насъ долженъ выносить и рѣшить индивидуально. Состоится ли война—это не зависитъ отъ индивидуальнаго рѣшенія воина; но будетъ ли *онъ* въ этой войнѣ убивать, это дѣло его совѣсти и его самостоятельнаго, одинокаго рѣшенія. И съ точки зрѣнія соціальной психологіи нужно сказать, что та война, въ которой большинство индивидуально рѣшающихъ душъ не имѣетъ глубокихъ и духовно значительныхъ побужденій, могущихъ вызвать въ душѣ рѣшимость не избѣгать убійства и не останавливаться передъ нимъ,—есть война заранѣе обреченная на неудачу.

Далѣе; тотъ основной противо-любовный отрывъ, который лежитъ въ основаніи всякаго убійства, не падаетъ въ войнѣ всею своею тяжестью на индивидуальную душу. Онъ облегченъ уже тѣмъ однимъ, что накопленіе враждебной энергіи совершается *всѣмъ* соціальнымъ коллективомъ; это накопленіе начинается задолго до войны; оно идетъ

незамѣтно нарастая; оно питается самыми корнями экономического, національнаго и политическаго строя, мало того, самыми глубокими слоями общаго психическаго уклада человѣка и его біологической организаціи; наконецъ, оно разряжается одновременно, для всѣхъ одинаково, бросая народъ на народъ, и ставя личное сознание передъ совершившимся фактомъ объявленной войны. Мы всѣ живемъ, нерѣдко сами того не замѣчая,—огромною силою инерціи, пріемля весь основной укладъ жизни, нашедшій себѣ бытовое и юридическое закрѣпленіе и прочную поддержку, непреодолимую, конечно, для индивидуальныхъ, разрозненныхъ силъ. И вотъ каждый изъ насъ, всю жизнь участвуя въ колоссальномъ накопленіи враждебной энергіи, всю жизнь не выходя изъ строя общественныхъ отношеній, основаннаго именно *не* на щедрости, *не* на довѣрїи и любовности,—каждый изъ насъ въ моментъ объявленія войны полагаетъ, что онъ „неповиненъ“ въ страшемся несчастіи и что причины бѣды лежатъ въ чьихъ-то ошибкахъ, въ чьемъ-то чужомъ упорствѣ и хищничествѣ. Соціальная дифференціація вводитъ насъ здѣсь въ жестокое заблужденіе: государственный органъ, учитывающій конфликтъ, констатирующій невозможность дальнѣйшихъ мирныхъ переговоровъ и организующій военное осуществленіе распри, является въ нашихъ глазахъ виновникомъ и чуть ли не создателемъ столкновенія. Вина перелагается съ насъ, мы умываемъ руки и облегчаемъ себѣ самочувствіе—слѣпотою.

Безспорно, въ сраженіи индивидуально опредѣленная вспышка ненависти и ожесточенія появляется нерѣдко лишь въ самый послѣдній моментъ рукопашнаго боя; но враждебное настроеніе должно неизбежно питаться всѣмъ огромнымъ коллективомъ арміи. Общая солидарная враждебная напряженность снимаетъ съ личной души бремя индивидуально вынашиваемой и индивидуально направленной ненависти и этимъ до извѣстной степени объясняется то быстрое смягченіе, которое обнаруживаютъ иногда атакующіе солдаты по отношенію къ несопротивляющемуся,

индивидуально слающемуся въ плѣнъ врагу. Однако бываетъ и такъ, что, ворвавшись въ траншею врага, солдаты перекалываютъ всѣхъ безъ разбора. И, если вспомнить призывъ германскаго императора, обращенный къ отправлявшимся въ Китай отрядамъ: „не давать пощады“, и если подумать о тѣхъ ложныхъ свѣдѣнiяхъ, которыя распространены въ германской арміи по вопросу о томъ, какъ обходятся русскіе съ военноплѣнными, и т. д.—то нужно будетъ признать, что уровень коллективнаго ненавистничества можетъ быть доведенъ въ индивидуальныхъ душахъ до очень высокой черты. Самая система вооруженнаго мира свидѣтельствуетъ о томъ, какіе колоссальные запасы вражды и страха скапливаются въ людяхъ и народахъ; достаточно подумать о томъ, сколько рѣшимости убить укрывается въ каждой выдѣланной въ мирное время шрапнели и гранатѣ; сколько силы и энергіи полагается каждымъ народомъ на то, чтобы сообщить миллионамъ людей умѣнiе цѣлесообразно управлять орудіями смерти; съ какимъ удовлетвореніемъ мы узнаемъ о каждой малѣйшей побѣдѣ, одержанной нашими войсками, „отвлекаясь“ будто бы при этомъ отъ мысли о числѣ убитыхъ враговъ; достаточно обратить вниманіе на тотъ ненавистническій, подчасъ прямо кровожадный тонъ, въ которомъ ведется вся мало-благородная пресса воюющихъ странъ,—и мы признаемъ, что всякая война безъ исключенія есть *нравственно виновное дѣланіе*. Эту виновность войны чувствуютъ нерѣдко и сами сражающіеся, особенно тѣ, кому пришлось пережить бой на близкомъ разстояніи; потому они нерѣдко и уклоняются отъ любопытствующихъ, неделикатныхъ разспросовъ.

Напрасно было бы пытаться умалить виновность, испытываемую каждымъ изъ насъ во время войны, ссылкой на то, что сражающійся самъ идетъ на смерть, или указаніемъ на то, что война ведется въ открытую. Личная опасность, которой подвергается убивающій, нисколько не умаляетъ его вины, хотя его самоотверженіе и его мужество могутъ сіять изъ-за этой вины истиннымъ нравственнымъ дости-

женіемъ. То обстоятельство, что война ведется въ открытую также не мѣняетъ дѣла; во время дуэли — открытой опасности подвергаются обѣ стороны и тѣмъ не менѣе убійство, состоявшееся на дуэли, остается убійствомъ. Никто не подумаетъ приравнивать убійство въ сраженіи — коварному нападенію изъ-за угла, совершаемому убійцею изъ личной корысти. Убійство въ сраженіи нельзя назвать ни гнуснымъ, ни трусливымъ, ни лично-корыстнымъ дѣломъ; хотя отъ коварства и жестокости оно нерѣдко не свободно. Мало того, сражающійся проявляетъ почти всегда высшее жизненное самоотверженіе; но и это не мѣняетъ сущности разсматриваемаго нами вопроса: мертвое разсудочное ученіе о сверхдолжныхъ дѣлахъ слишкомъ ужъ наивно въ своемъ формальномъ количественномъ подходѣ къ добру и злу, для того чтобы современное утонченное чувство ответственности согласилось принять его и примѣнить къ личной жизни. Война, какъ организованное убіеніе, остается нашею *общей* виною, которая справедливо тяготитъ даже тѣхъ, кто самъ не участвуетъ въ сраженіяхъ: ибо мы слишкомъ хорошо понимаемъ, что мы не убиваемъ сейчасъ только потому, что за насъ убиваютъ другіе.

Наконецъ, не можетъ помочь и указаніе на то, что война начата не нами, а врагомъ, что мы находимся въ состояніи „необходимой обороны“. Признакъ необходимой обороны, справедливо учитываемый правомъ, успокаиваетъ только ту душу, которая привыкла не беспокоить себя дѣйствительнымъ голосомъ совѣсти: пусть обороняющійся не замышлялъ убійства и не хотѣлъ его; однако онъ его совершилъ и для развитого чувства ответственности этого довольно. Далѣе, помимо этого, принципъ необходимой обороны, примѣненный къ войнѣ ради ея нравственнаго оправданія, даетъ очень поверхностное, внѣшнее пониманіе этого стихійнаго коллективнаго процесса: война, какъ было только что указано, не есть явленіе случайное или произвольно созданное; наоборотъ, она есть зрѣлый и неизбежный плодъ *всего* нашего жизненнаго уклада. Наконецъ, весь этотъ ар-

гументъ представляет собою попытку укрыть вопросъ о *личномъ* поведеніи и *личной* винѣ за плечами коллектива, рѣшить вопросъ о нравственной доброкачественности убійства—указаніемъ на то, что *весь* народъ вынужденъ защищаться отъ нападенія.

Но именно здѣсь и обнаруживается та основная ошибка, которая кроется въ принципѣ: цѣль оправдываетъ средство. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что не различается вопросъ о *нравственной доброкачественности* дѣянія и вопросъ о *практической целесообразности* его, какъ средства, ведущаго къ видимому осуществленію благой цѣли. Нравственная доброкачественность дѣянія на самомъ дѣлѣ разсматривается и констатируется совершенно независимо отъ его практической пригодности, важности или „неизбѣжности“. Вопросъ этотъ рѣшается въ особомъ самостоятельномъ теоретическомъ разсмотрѣніи, имѣющемъ два этапа: преимущественно интуитивный и преимущественно рефлексивный. Въ интуитивномъ разсмотрѣніи испытывается, раскрывается и осмысливается, само по себѣ безсловесное и часто лишь смутно импульсивное, показаніе того исконнаго и первоначальнаго *добраго желанія*, которое обычно именуется *совѣстью*; это показаніе бываетъ всегда по существу *максимально* и раскрытіе его описываетъ или формулируетъ нѣкоторый идеальный образъ дѣйствія, или способъ чувствованія, или видъ отношенія. Второй этапъ состоитъ въ сопоставляющемъ сличеніи оцѣниваемаго дѣянія съ тѣмъ идеальнымъ образомъ дѣйствій, который формулированъ въ результатѣ перваго разсмотрѣнія; совпаденіе чертъ того и другого даетъ нравственное одобреніе дѣянія, несовпаденіе—даетъ его нравственное неодобреніе. Такова, свиду, простая и элементарная схема того теоретическаго изслѣдованія, которое въ осуществленіи своемъ, при правильной и углубленной постановкѣ проблемы, нерѣдко ведетъ къ самымъ серьезнымъ осложненіямъ и затрудненіямъ; во всякомъ случаѣ вопросъ о доброкачественности дѣянія рѣшается имъ окончательно и безповоротно, и никакія степенія

обстоятельствъ, никакія практическія осложненія и безвыходности не могутъ измѣнить что либо въ этой оцѣнкѣ.

Поэтому вопросъ о *практическомъ исходѣ* есть вопросъ самостоятельный, подлежащій особому разсмотрѣнію, и смѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ нерѣдко ведетъ къ самому опасному лицемѣрію. Различіе этихъ вопросовъ ясно уже изъ той, слишкомъ часто осуществляемой людьми возможности, при которой человекъ, отчетливо или смутно сознавая недоброкачественность извѣстнаго образа дѣйствій, тѣмъ не менѣе избираетъ именно его, по соображеніямъ цѣлесообразности, не имѣющимъ никакого отношенія къ нравственности. И когда человекъ, поступая такимъ образомъ, все таки оставляетъ въ своемъ сознаніи увѣренность, что онъ выбралъ „лучшій“ исходъ, то онъ легко дѣлается жертвой злокачественнаго *quaternio terminorum*: ибо не всякій „лучшій“ по цѣлесообразности исходъ есть „лучшій“ въ смыслѣ нравственной доброкачественности.

Жизненная „цѣлесообразность“ или даже „неизбѣжность“ дѣянія бессильна измѣнить что либо въ его нравственной недоброкачественности; потому что вопросъ о нравственной цѣнности *цѣли* и вопросъ о нравственной цѣнности *средства* суть два вполне самостоятельные вопроса. Нравственно-доброкачественное дѣяніе можетъ быть *post factum* использовано для нравственно-негодной цѣли, и обратно: нравственно-негодный поступокъ можетъ послужить истинно цѣнному дѣлу. Безспорно, человекъ, искренно преслѣдующій благородную цѣль и обращающійся на своемъ пути къ нравственно предосудительнымъ средствамъ, менѣе заслуживаетъ порицанія, чѣмъ тотъ, кто осуществляетъ дурными дѣлами дурную цѣль. Однако этика изслѣдуетъ *сущность добра*, т.-е. нравственно совершеннаго состоянія души, и не творитъ суда надъ живыми и мертвыми людьми; этотъ судъ предполагаетъ „обнаруженіе“ *всѣхъ* дѣлъ и помысловъ; такое знаніе другъ о другѣ *не* дается людямъ и отсутствіе его слишкомъ легко превращаетъ нравственный судъ въ праздные пересуды. Осужденіе или одобреніе че-

ловка не то же самое, что осужденіе или одобреніе *дѣянія*, и это принципиальное различіе въ предметѣ и актѣ сужденія слишкомъ легко забывается и затушевывается въ повседневномъ, нефилософскомъ обсужденіи нравственныхъ вопросовъ. Можно преклоняться передъ человекомъ и его сильнымъ, живымъ духомъ и въ то же время признавать составъ вины въ его *дѣяніи* ¹⁾.

Замѣчательно, что вся эта постановка вопроса объ оправданіи дурныхъ средствъ благою цѣлью сложилась въ предѣлахъ этики, утратившей свое автономное значеніе. Эта постановка вопроса выросла не въ разсмотрѣніи по существу добра и зла, но въ религіозномъ обсужденіи *простимости* и *непростимости* грѣховъ, *позволенности* и *непозволенности* извѣстныхъ *дѣяній*. Извинить (*excusare*) и признать *позволеннымъ* (*cui licitus est finis, etiam licent media*) съ точки зрѣнія той или иной религіозной догмы, можно и завѣдомо дурныя *дѣянія*, какъ то и дѣлали іезуиты. И тѣмъ не менѣе „качество поступка“ не „опредѣляется его конечной цѣлью.“ —

Никто не долженъ закрывать себѣ глаза на нравственную природу войны. Мученія и убійства, которыя люди чинятъ другъ другу въ сраженіи, не станутъ ни благимъ, ни праведнымъ, ни святымъ *дѣломъ*, какимъ бы *цѣлямъ* они ни

¹⁾ Задачей философіи является прежде всего увести нравственное разсмотрѣніе изъ той смутной и непосредственной, житейской атмосферы, въ которой неясность порождаетъ не-предметное и невѣрное рѣшеніе; потому что интуитивно-предметная *жизнь* и *житейское бѣваніе* слишкомъ часто являются враждебными другъ другу. Величайшей ошибкой Вл. Соловьева является то, что онъ пытался разсмотрѣть эту проблему именно въ формѣ *житейской бестды*. Въ его „Трехъ разговорахъ“ строгое формулированіе проблемы отсутствуетъ за житейскою ненадобностью; философскій анализъ *замѣненъ* (въ противоположность діалогамъ Платона) діалогическимъ разложеніемъ на обывательскіе типы; настроеніе сходитъ за аргументъ; личное удовлетвореніе, полученное *къ-нибудь* отъ своего поступка, принимается за испытаніе нравственной очевидности; ловкій оборотъ спора и ненаходчивость противника ведутъ къ рѣшенію вопроса. Глубокія и предметныя нравственныя исканія Л. Н. Толстого переданы безъ вниманія въ формѣ несправедливой каррикатуры. Форма этого произведенія тѣсно связана съ его содержаніемъ и все вмѣстѣ только загромоздило путь философскаго изслѣдованія.

служили. Но каждый разъ, какъ человѣкъ, имѣя возможность выбирать и рѣшать, совершаетъ нравственно недоброкачественное дѣяніе,—онъ несетъ на себѣ вину; поэтому война есть наша *общая великая вина* никакія казуистическія или пробабилистическія соображенія не должны заслонять отъ насъ этого вывода.

Но что же остается дѣлать тому, кто признаетъ это? Не участвовать въ войнѣ. Повидимому непротивленіе нападающему есть единственный остающійся исходъ?

Ученіе о *несопротивленіи нападающему*, какъ объ одномъ изъ дѣйствительныхъ нравственныхъ средствъ борьбы со *злымъ и хищнымъ желаніемъ нападающаго*, было по справедливости недооцѣнено въ то время, когда его выдвинулъ Левъ Николаевичъ Толстой. Полагали, что достаточно указать на возможное исключеніе изъ общаго правила, и отъ идеи ничего не останется. А между тѣмъ это далеко не такъ. Каждый разъ какъ человѣкъ въ жизненной борьбѣ обращается къ насилію, онъ долженъ сознавать, что отступаетъ отъ порядка любовной связи и выдаетъ себѣ нравственно *testimonium paupertatis*; онъ долженъ сознавать и признавать, что прибѣгаетъ къ средству нравственно не оправдываемому, что онъ ставитъ человѣческія отношенія на почву страха и коварства, что онъ порываетъ со строемъ, покоющимся на уваженіи, свободной очевидности, довѣрїи и щедрости, что онъ вступаетъ на тотъ путь, естественнымъ предѣломъ котораго является убійство. Каждый изъ насъ чувствуетъ, что „насиліе“ и „насилникъ“ суть термины, скрывающіе въ себѣ нравственное осужденіе; что обращеніе къ насилію должно имѣть каждый разъ какія то „исключительныя“ основанія; что строй, покоющійся на насиліи, есть нѣчто нравственно одіозное и духовно невыносимое.

Однако принципъ, выдвинутый Л. Н. Толстымъ, глубже и шире, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Онъ устанавливаетъ *максимальную щедрость въ отдачу* того, чѣмъ другой желаетъ завладѣть; онъ устанавливаетъ ее какъ основную нравственно вѣрную линію поведенія или, отвлеченно го-

воря, какъ норму. Но именно при этомъ углубленномъ пониманіи онъ и обнаруживаетъ свой естественный предѣлъ. На что же можетъ распространяться эта щедрость? Очевидно, на тѣ конечныя и временныя блага,—вещи и жизненныя удобства,—которыми я владѣю. Однако, на ряду съ такими конечными и временными благами, есть блага, образующія то, что слѣдуетъ называть *духовнымъ достояніемъ*; это духовное достояніе, принадлежащее свиду отдѣльнымъ людямъ и народамъ, но представляющее собою поистинѣ общечеловѣческое духовное достояніе, не можетъ стать предметомъ щедрой отдачи потому, что отдать значить здѣсь предать и отречься. Какъ возможно, на примѣръ, не противиться человѣку, понуждающему меня къ совершенію низкаго дѣла? Вѣдь это значило бы отречься отъ своего человѣческаго достоинства; а въ такомъ положеніи должна измениться всякая щедрость. Или какъ возможно не противиться народу, который возсталъ для того, чтобы лишить насъ свободной самобытной жизни и насильственно подчинить насъ чуждымъ намъ формамъ и велѣніямъ? Вѣдь это значило бы отречься отъ того, ради чего вообще только и стоитъ жить на свѣтѣ, отречься отъ *самозаконнаго служенія духу*. Это было бы уже не щедростью, а духовнымъ самоубійствомъ.

Щедрымъ вообще можно быть только въ отдачѣ того, что принадлежитъ самому щедрому. Нельзя предоставить сильному угнетать слабого; нельзя быть щедрымъ въ отдачѣ чужого блага или чужой жизни; нельзя дать поработить себя; нельзя дать истребить свой народъ и свое искусство; нельзя отречься отъ своихъ убѣжденій и вѣрованій. И если бы опасность грозила всѣмъ этимъ духовнымъ благамъ или хотя бы одному изъ нихъ, то вопросъ о несопротивленіи нападающему палъ бы самъ собою. Въ сказкѣ Л. Н. Толстого „Объ Иванѣ дуракѣ“ война тараканскаго царя съ Ивановымъ народомъ кончается быстро отъ того, что дураки не обороняются, а добровольно отдаютъ свое добро насильничавшимъ солдатамъ; солдатамъ становится „скучно“ и „гнусно“, и войско разбѣгается. Читая эту

сказку, невольно соглашаешься, что дуракамъ Иванова царства воевать не стоило. Но если есть въ жизни людей такое *духовное достояніе*, которое они любятъ больше себя и которое *стѣдуетъ защищать* хотя бы цѣною мученій и смерти, и если этому достоянію грозитъ опасность отъ нападенія насильниковъ, то какъ же не отозваться имъ доброю волею и готовностью на призывъ къ защитѣ отъ нападенія ¹⁾?

Бываютъ въ жизни человѣка такія положенія, когда вся прошлая виновная жизнь его приводитъ его къ необходимости взять на себя *открыто и сознательно новую вину*. И, если человѣкъ оказывается неспособнымъ къ этому, то нравственная и духовная жизнь его терпитъ величайшее крушеніе. Эта необходимость не есть въ такихъ случаяхъ необходимость его личного интереса (напримѣръ: посредствомъ новаго подлога скрыть цѣлый рядъ прежнихъ подлоговъ и злоупотребленій). Эта необходимость не есть и необходимость „нравственнаго долженствованія“; убить человѣка можетъ быть дѣломъ правовой обязанности, но не дѣломъ нравственнаго долга. Необходимость убіенія обнаруживается въ порядкѣ эмпирическихъ причинъ и слѣдствій, или, говоря практически, въ порядкѣ жизненныхъ цѣлей и средствъ. Слѣпая, жадная, безпомощная дѣятельность людей ставитъ ихъ въ такія реальныя условія, при которыхъ для нихъ *не остается нравственно праведнаго исхода*, ибо всякое возможное дѣйствіе неминуемо включить въ себя дѣянія, протівныя голосу совѣсти. Потому что совѣсть при *всѣхъ* обстоятельствахъ и во *всѣхъ* условіяхъ сохраняетъ свое значеніе *неуклоннаго* призыва къ *максимальному добру* и къ *совершенному* воленаправленію. Напрасно приписывать ей значеніе практическаго раздаятеля совѣтовъ, „соглашающагося на компромиссъ“ или учитывающаго соображенія полезности и удобства: это значитъ превращать истиннаго

---

¹⁾ Нравственное значеніе такой духовной обороны я пытался выяснитъ въ публичной лекціи о „Духовномъ смыслѣ войны“, текстъ которой долженъ появиться въ печати въ самомъ непродолжительномъ времени.

даймо́нія въ житейскую опытность софиста. Совѣсть несомнѣнно зоветъ насъ на защиту слабаго отъ сильнаго; на защиту свободной и достойной жизни; на защиту духовнаго достоянія; на самоотверженіе и самоотдачу. Необходимость же убивать встаетъ передъ нами въ порядкѣ нашей эмпирической безпомощности и скопившихся тягостныхъ итоговъ всей нашей прошлой, нравственно невѣрной жизни. Это средство не можетъ быть одобрено совѣстью и должно быть принято нами какъ новая вина наша, со всѣмъ мужествомъ и со всей бодростью сознательно живущаго духа. Непреклонная воля защититъ и отстоятъ питается сознаниемъ нравственно праведной цѣли; но рѣшимость убить пріемлется сознаниемъ и волею съ ощущеніемъ вины, какъ несправедное и духовно-мучительное средство, пріемлется съ рѣшеніемъ: *увести потомъ свою жизнь съ путей этой слѣпой безвыходности*. Такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда длительное пренебреженіе къ интересамъ духовной жизни, къ содержанию нравственныхъ требованій или къ судьбѣ духовнаго достоянія ставить подъ угрозу *самую сущность* или *самую возможность* достойной, творческой жизни. Въ такомъ положеніи человѣку приходится, на примѣръ, раскрывать накопившуюся въ жизни внутреннюю ложь, хотя бы другому пришлось вслѣдствіе этого пережить тяжелый душевный кризисъ, грозящій ему смертью; въ такомъ положеніи человѣкъ, открыто и сознательно пріемля новую вину, идетъ на войну, спасая и отстаивая духовное достояніе своего народа.

Въ этомъ принятіи на себя послѣдствій своего виновнаго дѣланія, хотя бы они, какъ въ данномъ случаѣ, имѣли форму новой, тягчайшей вины, есть черта истиннаго героизма, трогающаго душу и не позволяющаго произнести слово осужденія. Мало того, именно на войнѣ, эта рѣшимость принять на себя новую вину выливается неизбѣжно въ форму безкорыстнаго и самоотверженнаго, духовно творческаго напряженія, высота и чистота котораго не имѣетъ подчасъ

равной себѣ. Нравственное противорѣчіе *не* разрѣшается и *не* устраняется въ этомъ героическомъ исходѣ, но *пріем-*
лется и *изживается* во всемъ своемъ значеніи и во всей
своей глубинѣ. Это не значить, что такой путь ведетъ къ
дѣятельности, которая является *всецѣло* предосудительной
въ нравственномъ отношеніи; участіе въ войнѣ заставляетъ
душу принять и пережить высшую нравственную *трагедію*:
осуществить свой, можетъ быть, единственный и лучший, духовный
взлетъ въ формѣ участія въ организованномъ убіеніи людей. Дѣло
людей на войнѣ слагается изъ лучшаго и худшаго, изъ
высшаго и низшаго и въ этомъ трагедія войны; она явля-
ется зрѣлымъ плодомъ ея нравственной противорѣчивости.
Вотъ почему мы испытываемъ войну, какъ злосчастную
тьму, въ которой загораются слѣпящіе лучи свѣта. И для
того, чтобы *конецъ* войны былъ какъ свѣтъ, возгорѣвшійся
надъ тьмою, но не какъ тьма, поглотившая свѣтъ, необходи-
мъ *во время войны* тотъ истинный, духовный, творческій
подъемъ, въ которомъ человѣкъ не закрываетъ себѣ глаза
на виновность своего рѣшенія и своего дѣла, но видитъ
все, какъ есть, и мужественно *пріемлетъ виновный подвигъ*.
Виновность дѣянія не исчезаетъ, но остается; герой—
открыто избираетъ *неправедный* путь, ибо праведнаго пути
нѣтъ въ его распоряженіи. Онъ слѣдуетъ голосу совѣсти,
зовущей его къ защитѣ духа, но средства, къ которымъ
онъ обращается, ложатся на душу его виною и бременемъ.
Только истинное духовное горѣніе можетъ дать достаточно
силы, чтобы человѣкъ не изнемогъ подъ этимъ гнетомъ.

Пріемля свою вину, зная ее и *не умаляя ее*, героиче-
ская душа идетъ навстрѣчу своей судьбѣ, не укрываясь
за ссылками на тотъ максимальный голосъ доброты, на ко-
торый она до сихъ поръ обращала такъ мало вниманія.
Человѣкъ, умѣвшій всю жизнь грѣшить въ *своихъ* интересахъ
и судорожно отыскивающій нравственно-безукоризненный
исходъ въ моментъ, когда естественные плоды его жизни
воздвигли угрозу духовнымъ основамъ существованія его
и его народа, являетъ собою картину величайшаго лице-

мѣрія. Напротивъ, въ пріятіи послѣдствій своей вины и своей жизни скрыта возможность очищенія и обновленія. Необходимо только не закрывать себѣ глазъ на свою вину въ прошломъ и на ту вину, которая ждетъ въ будущемъ и уже совершается при нашей поддержкѣ и нашемъ участіи. Тогда останется непоколебленнымъ наше довѣріе къ голосу совѣсти и тогда будущее откроется намъ, какъ возможность освобожденія отъ кошмара прошлаго.

И. Ильинъ.
